

АЛАНЫ И НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

А. А. ТУАЛЛАГОВ

С момента публикации материалов погребения № 1 «скептуха» у с. Косика («Бугор Бэра», Нижняя Волга) [1] исследователями неоднократно предпринимались попытки их интерпретации в связи с известными по данным нарративных источников историческими событиями. Сами авторы раскопок первоначально датировали погребение № 1 и находившееся поблизости погребение № 2 рубежом н.э., считая второе погребение несколько более ранним по времени. В другой публикации погребение № 1 вместе с погребением из Кривой Луки были датированы концом I в. до н.э. – I в. н.э. [2; 3]

Впоследствии, ориентируясь на находку в погребении серебряной ложки с тамгообразным знаком типа знака боспорского царя Аспурга (7/14-37 гг. н.э.), авторы датировали погребение приблизительно серединой I в. н.э. Наличие в нем двух древних цилиндрических печатей они связали с походом сарматов на юг и с ограблением какого-то среднеазиатского или иранского храма. Затем без дополнительных объяснений они связали их с участием погребенного сарматского «скептуха» в борьбе за армянский престол [3, 10; 4].

Ю. Г. Виноградов, предложивший свою пространную реконструкцию несохранившегося фрагмента надписи на тазе, полагал, что аорсы, участвовавшие в иберо-парфянском противостоянии в 35 г. н.э., некоторое время (35-42 гг. н.э.) оставались служить неизвестному по другим источникам армянскому царю Артевасду. При его дворе работал выходец из северопричерноморского региона Ампсалак, производивший продукцию, соответствующую вкусам сарматской элиты. Затем аорсы, помогавшие какое-то время Артевасду в борьбе с

вернувшимся из римского плена Митридатом, возвратились домой, а их предводитель привез с собой из Армении среди прочих даров армянского царя и изготовленный Ампсалаком таз. Соплеменники царя впоследствии отправились к границам Боспорского царства, где были втянуты в междоусобную борьбу за боспорский престол [5].

Следует учитывать, что исследователь исходил в своей исторической интерпретации из датировки погребения, предложенной авторами раскопок. Поэтому, не находя в известном перечне царей Армении и Мидии Антропатены имени Артавасд, близкого в хронологическом плане, предположил, что в косикской надписи зафиксирован неизвестный письменным источникам армянский царь с таким именем.

М. Ю. Трейстер на основе стилистического анализа форм сосудов и сюжетов изображений на них, как и Ю. Г. Виноградов, принял датировку погр. № 1, предложенную В. В. Дворниченко. Исследователь пришел к выводу, что в то время существовала особая «сарматская школа торевтики» (условно «школа Ампсалака»). Сарматский мастер мог происходить из среды аорсов, которые, по некоторым данным, обитали вплоть до Окса и Яксарта и составляли часть населения, переселившегося на Нижнюю Волгу из Средней Азии и ведшего торговлю при посредничестве армян и мидийцев. К тому времени в Армении мог сложиться местный центр металлообработки, впитавший традиции художественных школ Среднего Востока и Восточного Средиземноморья. Сарматский мастер мог находиться в составе стоявшей при дворе армянского царя Артавазда сарматской орды. Знакомый с сюжетами, мотивами и

этнографическими деталями, характерными для Средней Азии, он мог освоить технику работ мастеров Парфии и Сирии, хотя не исключалось и достижение сарматами Дура-Европоса. Пройдя выучку в одной из мастерских, работавших в традициях позднеэллинистического искусства Восточного Средиземноморья и Парфии, заимствовав технические приемы и стилевые решения, он мог получить заказ от армянского царя произвести парадный, подарочный сервиз для сарматского вождя, воплотив его в формы, характерные для сарматской посуды. Изображения на ней могли воспроизводить мифы или эпические сказания, бытовавшие в сарматской среде. Но нельзя, по мнению исследователя, и отрицать возможности влияния на них конкретных исторических событий, а именно сражений сармато-иберийско-албанского войска с парфянами в 35 г. н.э. [6; 7]

Как справедливо было отмечено, предложенный Ю. Г. Виноградовым вариант развития событий не является единственным с точки зрения возможности отражения взаимодействия ираноязычных кочевников с окружающим миром, а реконструкция содержания надписи вызывает сомнение [8; 9]. Видимо, следует уточнить, что реконструкция содержания (смысла) надписи всегда останется лишь реконструкцией.

Предложенная датировка косикского погребения серединой I в. н.э. [10] в совокупности с предпринятой исторической интерпретацией Трейстера и Виноградова [11] послужили основой для некоторых исследователей воспринимать мужское косикское погребение в связи с событиями только похода 35 г. н.э. [12; 13, 124-125] Его связывали с данными историческими событиями и с появлением еще одной волны кочевников, отождествляемой с аланами, прошедшими вдоль каспийского побережья на Нижнюю Волгу, предположительно через Дарьял [14; 15]. Предлагалось связать его и с событиями более позднего похода алан 72 г. н.э., с даром одного из подчиненных парфянам правителей соседней Армении Мидии Антропатены и др. [16; 17] В то

же время определялись и его связи (военные или торговые) с Боспорским царством или с упоминавшейся торговой деятельностью аорсов при посредничестве армян и мидийцев [18, 136, 215; 19].

Вместе с тем, М. Б. Щукиным было справедливо отмечено, что остается вопрос о самой хронологии комплекса из Косики, который нуждается в специальном рассмотрении. Кроме того, среди носителей имени Артавазд известны различные цари на армянском престоле: царь Артавазд, который предал в походе 36 г. до н.э. Марка Аврелия (Артавазд II, правил в 55-34 гг. до н.э. – А. Т.), Артавазд, сын Артавазда, правивший в 1 г. н.э.; его внук Артавазд, умерший в 10 г. н.э. (Артавазд IV, правил в 3/4-10 гг. н.э. – А. Т.). Известен и царь Мидии Антропатены Артавазд, умерший в 20 г. н.э. Следует учитывать, что в дошедших до нас письменных источниках не отражалась вся история сарматских наемников [20, 202; 21].

Сам исследователь указал, что шансы предложенного Виноградовым решения возрастут, если будет неприемлем для косикского комплекса хронологический интервал второй половины I в. до н.э. – самого начала I в. н.э. Вместе с тем, он справедливо отмечал, что, хотя датировка предметов из погребения достаточно широка (I в. до н.э. – середина I в. н.э.), по облику и набору они более тяготеют к горизонту «зубовско-воздвиженской группы», чем Хохлач-Порогов, и «Золотому кладбищу» [21, 179].

Для датировки комплекса Щукин считал показательным находку в нем ручки ковша типа Песчате, который в европейских комплексах, исключая Италию, сочетается с посудой позднелатенского периода, но никогда не раннеримского времени, преимущественно первой половины – середины I в. до н.э. Самой последней по времени находкой является серебряная ложка со знаком Аспурга, правившего в 8-38 гг. н.э., что совпадает по времени и с правлением армянского царя Артавазда, умершего в 10 г. н.э. [21, 179; 20, 105-108].

Аналогией ковшу из косикского погребения некоторые исследователи посчитали

находку из сарматского погр. № 1, кург. № 13 могильника Шаумяна (правобережье Нижнего Дона), датировав его последней третью I в. до н.э. ([22; 23]; но см. также: [14, 93-99]) Сам могильник был оставлен гетерогенным коллективом, включавшим и носителей раннесарматской культуры.

Отдельные находки из косикского погребения, несмотря на возражения [4, 173-174], сопоставляются с материалами из погребений раннесарматской культуры левобережья Нижнего Дона, которая здесь доживает до рубежа н.э. и не исчезает в начале I в. н.э. [24] Отмечаются и параллели с материалами из «зубовско-воздвиженской группы» [25].

В развитие наблюдений Трейстера и Виноградова, Д. Браунд предположил, что упоминающийся в надписи на косикском тазе Артаваз был одним из правителей самих сарматов, как, возможно, и Флавий Дад, которого обычно считали ибером [26]. Имя последнего было обнаружено в надписи на блюде из богатого погребения в Мцхета [27]. Сам косикский таз мог быть даром одного сарматского правителя другому, и нет необходимости «воображать ремесленника при его дворе, сведущего в сарматском ремесле».

Обратившись подробнее к анализу фрагментированной надписи, исследователь [28] солидаризировался с Виноградовым в том, что имя Ампсалак было обычным в среде народов степей Северного Причерноморья [29], а иранское имя Артаваз хорошо известно в ономастике различных представителей ираноязычной знати. Браунд посчитал возможным признать мастера Ампсалака, искусного, как полагали Трейстер и Виноградов, в сарматском ремесле, работавшим непосредственно среди сарматов. Форма родительного падежа «царя Артеваза», по мнению исследователя, может указывать на владение этим царем тазом, а не на дар от имени этого царя. Данному царю, носившему иранское имя, и могло принадлежать косикское погребение. Оно могло принадлежать и другому погребенному здесь сармату, к которому таз, прежде принадлежавший царю

Артевазу, правившему где-то на сопредельных территориях, попал в качестве добычи. Таким образом, Браунд, выступив в русле гипотезы Трейстера о работе мастера Ампсалака непосредственно среди сарматов, выдвинул далее собственную гипотезу о том, что таз не был даром армянского царя, а изначально принадлежал сарматскому царю.

Более подробный анализ материалов косикского погребения был предпринят в другой статье Трейстера. Исследователь отметил, что найденные в погребении изделия, украшенные в технике клуазоне, по стилистическим и технологическим признакам обнаруживают близость предметам из Артюховского кургана. Бронзовые ковши типа Песчате, как и найденный в погребении таз с атташем лировидной формы, были выполнены в позднелатенском стиле в италийских мастерских начала-первой четверти I в. до н.э. Подобная бронзовая позднелатенская посуда получила достаточно широкое распространение в сарматских комплексах Прикубанья второй половины I в. до н.э.

Этим же временем датируются как изображения на косикском серебряном кубке браслетов-наручей, так и сам найденный в погребении золотой браслет-наруч. Последний мог быть изготовлен как сарматским мастером в Прикубанье, так и в боспорских мастерских, изделия которых получили широкое распространение в Прикубанье в это же время. Форма черпака и особенности декора серебряной ложки находят ближайшую параллель в сарматском погр. № 10 у хут. Песчаный (Закубанье) второй половины I в. до н.э. Нанесенный на нее тамгообразный знак может рассматриваться не как личный знак Аспурга, а как родовой, чем, по мнению исследователя, исключалось повышение даты погребения.

В результате исследователь пришел к заключению, что само погребение «скептуха», в котором не содержатся материалы позднее середины I в. до н.э., с наибольшей вероятностью можно датировать в рамках второй половины I в. до н.э. Уточнение хронологии погребения, проявление связи

его материалов с Прикубаньем позволили ему внести коррективы и по вопросу исторической интерпретации. Он полагает, что упомянутый в надписи сосуда Артаваз был армянским царем Артавазом II, сыном Тиграна Великого, правившим в 55-34 гг. до н.э. Сосуд был найден в погребении сарматского участника малоазийских походов боспорского царя Фарнака II. Таким же участником мог быть и погребенный в кург. № 13 могильника Шаумян. Погребенный у с. Косика мог происходить из среды сираков Прикубанья, откочевавших в район Нижней Волги. Исходя из данных нарративных источников, исследователь более узко датирует время погребения 47-46 г. до н.э. [30; 31; 19, 80-81; 32]

Данные коррективы датировки косикского погребения и его исторической интерпретации послужили уже основанием для М.-Я. Ольбрихта не исключать, что «царем Артавазом» косикской надписи мог быть и армянский царь Артаваз II, правивший около 150-111 гг. до н.э. Косикский кубок, ближайшей аналогией которому является кубок из кург. № 4 могильника Вербовский-II, мог быть сделан сарматским мастером в Армении, а попасть в погребение в результате торговых отношений аорсов с армянами и мидийцами. Всаднические изображения на кубке рассматриваются как изображения армянской или мидийской конницы [19, 80-81].

Н.Е. Берлизов, основываясь на сочетании в погребении ручки ковша типа Песчате, серебряной ложки с тамгой Аспурга, таза Эггерс-92 с посвятительной надписью, датировал погребение концом первого – началом второго десятилетий I в. н.э., связывая Артеваза косикской надписи с армянским царем Артавазом III (4-6 гг. н.э.) [33, 213, 214]. А.В. Симоненко кратко указывал на начало I в. н.э. [34, 214]

Трейстер полагал, что косвенным подтверждением датировки косикского погр. № 1 являются полностью не опубликованные [2, 127-128; 3, 11-12] материалы женского погр. № 2, располагавшегося непосредственно на площадке «бугра Бэра» в нескольких метрах от мужского погре-

бения. В данном погребении была обнаружена керамика прикубанского типа и бронзовая сковорода типа Айлесфорд. Таким образом, в женском погребении было представлено то же сочетание италийской бронзовой посуды позднелатенского типа и материалов (керамика), связанных с Прикубаньем [30, 324].

Обращение исследователей к анализу материалов женского погребения позволило отнести его к раннесарматским памятникам и датировать в целом в пределах I в. до н.э. [24, 184; 35; 36; 37, 153, 154-155; 38; 39; 40, 98-100, 106, рис. 5; 33, 204] В историческом контексте его связывали с периодом войн Митридата VI Эвпатора с Римом (88-85 гг. до н.э., 74-69 гг. до н.э., 66-63 гг. до н.э.), в том числе в Малой Азии, а также с борьбой с Римом его сына, боспорского царя Фарнака II [35, 22; 41], который в 47 г. до н.э. предпринял окончившийся неудачей поход в Малую Азию.

Таким образом, погребения №№ 1 и 2 из Косики были изначально датированы по-разному [35, 22-23, 26-27] и атрибутированы как относящиеся к различным сарматским культурам, что было зафиксировано в обобщающих статистических сводах по раннесарматской и среднесарматской культурам [42, 129; 43, 133; 44, 18; 45, 54]. В то же время в отношении находки серебряного сосуда в погребении № 1 не исключалось его появление как в связи с поддержкой сарматами Фарнака II, так и с сарматским походом в Закавказье в 35 г. н.э. [46, 130].

В конечном итоге, предпринятые уточнения по хронологии погребения «скептуха» позволили некоторым исследователям полагать, что погр. №№ 1 и 2 составляют единый комплекс, который в целом может быть датирован I в. до н.э., точнее второй половиной I в. до н.э. [30, 322-328; 47, 529; 48, 230; 49, 40-42; 31, 320]

Исследователи неоднократно обращали внимание на косикский кубок и на нанесенные на него изображения, находя им аналогии среди материалов других сарматских и иных памятников [6, 184-191; 50; 17, 65, 85; 51; 16, 86-103; 52, 179, сн. 23; 53; 54;

55; 56; 20, 86, 214, 228, 230; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 32, 125]. Важными представляются наблюдения о том, что на косикском кубке запечатлено междоусобное столкновение, тогда как изображение, использующее фронтальный канон, изредка появляется в Пальмире и Дура-Европос в раннем I в. до н.э., а всеобщее распространение получает в Сирии, Месопотамии и, вероятно, даже в Иране не ранее последней четверти I в. н.э. [50, 177, сн. 16]

Предпринимались попытки отнесения стиля изображений на кубке (сцена охоты) к собственно аланскому при сопоставлении с материалами осетинского Нартовского эпоса (в том числе сцен на серебряной пиксиде) [64, 196, сн. 7; 65; 66]. Следует отметить, что выводы Трейстера о существовании «сарматской школы торевтики» оспариваются другими специалистами. Они связывают характерные черты косикского кубка с его производством в эллинистических мастерских Востока, прежде всего, Парфии или иных закавказских и малоазийских ремесленных центрах [35, 27; 67; 68; 16, 87; 68; 20, 228].

Предложенные Трейстером решения заслуживают особого внимания. Полагаемое наличие на «бугре Бэра» двух синхронизированных погребений различных сарматских культур коррелирует с наблюдениями исследователей о понижении нижнего хронологического горизонта для памятников среднесарматской культуры и о наличии гетерогенных по происхождению коллективов кочевников (на различных территориях наблюдается как сосуществование, взаимодействие, так и смешение носителей ранне- и среднесарматской культур). Но вызывает сомнение попытка атрибутировать погребение как сиракское. Его хозяина с большим основанием следует связывать с волной азиатских пришельцев, которую, не исключено, можно было бы рассматривать в свете вопроса появления в Восточной Европе алан.

Нельзя пройти мимо и отмеченной связи материалов косикских погребений с Прикубаньем, наличие среди них родового знака типа знака боспорского царя

Аспурга. История воцарения на Боспоре данного правителя происходила в условиях тесных и постоянных контактов еще свергнувшего Фарнака II в 47/46 г. до н.э. Асандра, затем Динамии и, наконец, самого Аспурга с племенами Прикубанья, в том числе и сарматами, активно втянувшимися ранее в военно-политические события «митридатых войн». Среди них было и одноименное Аспургу племя аспургиан, сыгравшее в конце I в. до н.э. значительную роль в укреплении новой династии на боспорском престоле и занимавшее особое место в устройстве самого Боспорского государства.

Данный исторический контекст не исключает возможности того, что появление тамги типа тамги Аспурга на серебряной ложке из погр. № 1 Косики не обязательно было непосредственно связано с контактами ее последнего владельца с уже воцарившимся на престоле Аспургом и ограничением времени ее нанесения периодом правления последнего. Возможно, следует обратить внимание и на такую деталь. Подобная тамга была выбита на серебряной фиале из набора серебряной посуды из кург. № 11 могильника Ново-Александровка-I (Нижнее Подонье). Вторая тамга предположительно представляла собой неудачную попытку ее нанесения [69]. Подобная тамга выбита и на двух серебряных сосудах из сарматского погр. № 14, кург. № 2 у ст. Михайловская (Закубанье) [70, 233, рис. 4, 2], которое датируют первой половиной I в. н.э. [71]. Отметим, что погр. № 10 у хут. Песчаный, из которой происходит ложка, сопоставляемая Трейстером с косикской, было датировано второй половиной I в. до н.э. «с тяготением к рубежу эр» ([72, 111, 112, рис. 34, 6; 73]; но: [74]).

Б. А. Раев заметил по поводу находки из могильника Ново-Александровка-I, что антропоморфное изображение на фиале могло персонифицироваться варварами с конкретным царем, а выбитый знак царя Аспурга позволяет предположить, что сервиз, вероятно, был подарен именно этим царем представителю кочевнической знати – скептуху [75]. Подтверждением такой

возможности считают находку серебряного таза с надписью из погребения у с. Косика [69, 82]. На наш взгляд, аналогию надо усматривать в тех образцах, на которые был нанесен знак, т.е. на серебряной ложке.

Знаки на упомянутых серебряных сосудах были набиты канфарником точками, т.е. их нанесение было произведено ремесленником. Сам способ нанесения, требующий известного мастерства (учтем вероятную неудачную попытку на фиале из могильника Ново-Александровка-1), вполне подходит для выполнения официального распоряжения высокопоставленного дарителя и получения официального подарка одаряемым. Тамга же на серебряной ложке просто прочерчена. Причем на золотой обойме, изготовленной из яшмы рукоятки ножа [4, 160, рис. 12, 3], зернью исполнено изображение тамги, видимо, самого хозяина погребения. Поэтому, если примеры с серебряной посудой могут быть с большим основанием признаны как официальные дары от лица уже царствующего Аспурга, то сам способ нанесения тамги на косикскую ложку ставит под сомнение такую возможность.

Не исключено, что родовая тамга Аспурга отражает некие отношения между хозяином косикского погребения и Аспургом (или отношения между их родственными родами?) еще периода до воцарения последнего на боспорском престоле и/или официального признания его статуса Римом (7 и/или 14 г. н.э.). Они, например, могли вести начало со времени, когда отстраненной от престола в 12 г. до н.э. царственной матери Аспурга Динамии в борьбе за возвращение власти пришлось бежать в Прикубанье, где ее враг Полемон I в 8 г. до н.э. был уничтожен аспургианами, ранее поддерживавшими умершего в 17/16 г. до н.э. ее супруга Асанр (ох) а.

Отмеченная синхронизация погр. №№ 1 и 2 из Косики должна учитывать вероятную датировку погр. № 2 близко к рубежу н.э. по наличию в нем сероглиняного трехручного канфара, что сопоставимо с подобной находкой из раннесарматских погр. № 4, кург. № 12 могильника у с. Перегрузное и

погр. № 13, кург. № 8 могильника Аксай-I, в которых, как и в случае с погр. № 1, кург. № 13 могильника Шаумяна, представлены погребения гетерогенных сарматских коллективов [76, 147, рис. 7, 8; 77, 101, 121, рис. 10, 2].

В последнее время к исторической интерпретации отдельно взятой надписи на косикском сосуде обратился С.М. Перевалов, что было воспринято некоторыми исследователями как предложение им альтернативного прочтения косикской надписи [69, 82, сн. 2]. Собственно, как справедливо заметили другие исследователи, он присоединился к решению Трейстера [68, 264], но через посредничество Д. Браунда. Причем С.М. Перевалов заявил о предложении «дополнительных аргументов в пользу» точки зрения Браунда. Но при ближайшем рассмотрении остается впечатление, что предложено было только переложение аргументов Браунда на русский язык. Собственные же «дополнительные аргументы» состоят из абсолютно излишних в данном случае двух примеров надписей как обозначения права владения и сноски на работу В.И. Абаева, что имя Артаваз – типично иранское имя. Пользуясь формулировками самого С.М. Перевалова, «ссылку можно оставить без внимания». В конечном итоге, С.М. Перевалов заявил, что Артаваз был сарматским или аланским царем, обитавшим в регионе Нижней Волги [78].

В настоящее время данный автор пошел еще дальше в своих утверждениях. Он заявил, что в иберо-парфянском конфликте 35 г. н.э., с которым Виноградов связывал появление косикского сосуда, участвовали не сарматы, а аланы, Д. Браунд привел аргументы в пользу того, что сарматский царь, носивший иранское имя Артаваз, кочевал в северокавказских степях. Затем уже со сноской на свою прежнюю публикацию утверждается, что северокавказская территория в I-II вв. н.э. контролировалась аланами, владевшими и Дарьяльским проходом, «в связи с чем более правомерно рассматривать косикскую надпись в контексте раннеаланской истории» [79].

Данный «вывод» основывается не только на слабо аргументированной версии о сугубо аланском характере похода 35 г. н.э. и о расселении алан к тому времени к северу от Дарьяла, но и полностью игнорирует основополагающий собственно археологический контекст косикского комплекса. Таким образом, игнорируются не только справедливо отмеченная М.Б. Щукиным необходимость уточнения хронологии косикского комплекса, вопросы историографии, но и сам факт наличия таких уточнений.

Есть определенные основания отрицать отнесение косикского сосуда к продукции некой «сарматской школы торевтики» [68, 264] и, соответственно, попытки усматривать в его надписи упоминания некоего царя кочевников. Дискуссионным остается и вопрос о времени и условиях непосредственного попадания в среду кочевников соответствующего импорта [30, 326-327; 80; 81; 82; 83]. Погребение № 1 из Косики, даже если его связывать с событиями 35 г. н.э., что, на наш взгляд, пока не имеет достаточного обоснования, может являть и пример запаздывающего появления в сарматских погребениях импортной посуды II-I вв. до н.э. [80, 92-93, 83, 246-247]. Справедливо и замечание, что не представляется всегда обоснованным стремление «озвучить» отдельные находки в сарматских комплексах через сведения письменных источников о тех или иных конкретных исторических событиях [84]. В данном случае остается в силе замечание М.Б. Щукиной, что письменные источники не донесли до нас фиксацию всех прошлых событий.

Но мы можем вполне уверенно констатировать, что косикское погребение «скептуха» ни по обряду погребения, ни по погребальной конструкции, ни по содержащимся в нем материалам, ни хронологически, ни территориально никак не связано с еще более поздней историей алан Центрального Предкавказья-Придарьяля, Впрочем, населявшие Северный Кавказ аланы у С.М. Перевалова предстают, видимо, в понятном только самому автору свете [85, 318]. Объявление косикской находки не только одним из самых значитель-

ных открытий последнего десятилетия, но и практически прямой иллюстрацией к сведениям Тацита о походе 35 г. н.э. [12] также просто умозрительное заключение, поспешно воспринятое отдельными зарубежными исследователями [86]. Причем оно представляется не более чем переложением заявления Ю.Г. Виноградова о том, что «батальные сцены на косикском кубке невольно вызывают в памяти красочное описание решающей битвы сарматов с парфянами у Тацита [Ann. VI. 35]» [5, 163].

Введение данных эпиграфических памятников в контекст аланской истории требует своего тщательного обоснования. Например, С.М. Перевалов открывает свой «каталог латинских надписей» аланской эпиграфики эпитафией в честь Тиберия Плавтия Сильвана Элиана из Тудера в переводе В.Н. Дьякова. Обращая внимание на отрывок, в котором указанный легат пропретор Мезии подавил восстание сарматов, привел к покорности царей неизвестных или враждебных Риму народов, обитавших за Дунаем, вернул царям бастарнов и роксоланов сыновей, а царю бастарнов – брата, ранее захваченных в плен или вырванных из рук врагов, у некоторых из них взяв заложников, автор каталога приводит мнение о возможности видеть в сарматах аланов, но отмечает и мнение Виноградова об ургах, языгах, либо сираках. Правителей роксоланов он характеризует как вассальных или «клиентских» Риму царей, обязанных выдавать заложников. Приводится также мнение Виноградова о том, что с событиями, изложенными в эпитафии из Тибура, связаны данные полностью еще не опубликованного псефизма из Мангупа, включенного А. Алеманем в свод аланских источников [87; 79].

Эпитафия в честь Плавтия Сильвана Элиана, сына Марка, обнаруженная в фамильной усыпальнице в Тибуре (совр. Тиволи), – достаточно хорошо известный эпиграфический памятник, который был давно включен, например, в курс подготовки студентов, предоставляя, как и ранее [88, 174, сн. 22], и несколько иной перевод текста памятника [89, 119, 153,

202-203]. Давно полностью опубликован и фрагмент псефизма из Мангупа [90], что позволяет скорректировать некоторые его данные по сравнению с предварительными сообщениями. Кроме того, с сообщением эпитафии о спасении Плавтием Сильваном Элианом Херсонеса от осады скифского царя связывают сведения эпиграфических памятников из самого Херсонеса [91; 92].

Сложно безоговорочно принять трактовку С.М. Первалова о клиентстве роксоланов. Роксоланы в 62 г. н.э. были атакованы неизвестным для Рима врагом, который атаковал и римскую провинцию Мезию. Именно такая взаимосвязь событий могла способствовать решению пропретора Мезии вернуть царю роксоланов сына или сыновей, захваченных общим врагом. Сведения о взятии Римом заложников «у некоторых из них» завершает перечисление событий о переводе в римскую провинцию около 100000 человек трансдунайского населения во главе со своими вождями и царями, о подавлении восстания сарматов, о переводе в провинцию царей ранее неизвестных или враждебных народов, о возвращении бастарнам и роксоланам царских родственников, взятых в плен или отнятых у врагов. Входили ли в число «некоторых из них» роксоланы, уточнить не

представляется возможным. Спустя же несколько лет, в 67/68-68/69 гг. н.э., роксоланы активно грабили Мезию (Tac. Hist. I, 79; Ios. Bell. Jud. VII, 4, 3).

Что касается вопроса о более точной этнической принадлежности участников тех событий, то исследователей он более привлекал в отношении неизвестных ранее Риму врагов. Выдвигались версии о языгах в союзе с аорсами, ургах или языгах [5, 168], аорсах [20, 216], сираках [90, 49] или аланах [93, 221; 94; 95]. Последняя из версий представляется более вероятной. В целом, сегодня решать проблему введения сведений указанных эпиграфических памятников в контекст аланской истории без учета имеющихся научных наработок, привлекающих данные нумизматических, археологических, нарративных источников [5; 9; 20; 21; 90; 93-104 и др.], не представляется возможным. Составление каталога аланской эпиграфики без сопровождения его соответствующим научным комментарием оставляет в ряде случаев впечатление поспешной компиляции, которая не только не способствует получению нового научного знания, но и препятствует перспективе его получения, подвигая, в том числе, к возможным ошибочным выводам тех, кто будет знакомиться с каталогом.

1. Дворниченко В., Плахов В., Федоров-Давыдов Г. Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь. М., 1985. № 3. С. 33-36.
2. Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Погребение у с. Косика Ено-таевского района Астраханской области // Археологические открытия 1984 года. М., 1985. С. 126-128.
3. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 5, 12.
4. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 178.
5. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 158.
6. Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172-202
7. Treister M. Yu. New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st century A.D. // Ancient

- Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 1998. Vol. 4. № 1. P. 58-62.
8. Клочков И. С. Две цилиндрические печати из сарматского погребения у с. Косика // ВДИ. 1994. № 4. С. 216-217.
9. Скрипкин А. С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 167.
10. Дворниченко В.В., Демиденко С.В., Демиденко Ю.В. Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 240.
11. Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000) // СА. 2000. № 4. С. 255.
12. Перевалов С.М. Сарматский контоc и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 71, 72.
13. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
14. Раев Б.А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры, проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006. Вып. I. С. 92-93.
15. Раев Б.А. Ранние аланы и горные системы Евразии, выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21-23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 128.
16. Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4. С. 88.
17. Treister M., Yatsenko S. About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st-2nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura. 1997/1998. Vol. 5. P. 76.
18. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
19. Ольбрихт М.-Я. К вопросу о происхождении катафрактов в Иране и Средней Азии // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова, Сборник материалов международной научной конференции. Алматы, 2010. С. 80-81.
20. Шукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
21. Шукин М.Б. Две реплики, по поводу Фарзоя и надписи из Мангула, царя Артавазда и погребения в Косике // ВДИ. 1995. № 4. С. 178-179.
22. Безуглов С. И. Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону // Донская археология. 2001. № 1-2. С. 57-58.
23. Глебов В.П. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // Донская археология. 2002. № 1-2. С. 37.
24. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. С. 209, 230.
25. Раев Б.А., Яценко С.А. О времени появления аланов в Юго-Восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 120, 121.
26. Браунд Д. «Препарируя сарматов», проблемы источниковедческой и археологической методологии // ВДИ. 1994. № 4. С. 173.
27. Braund D. King Flavius Dades // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. GmbH, Bonn, 1993. Vol. 96. P. 46-50.
28. Braund D. An Inscribed Bowl from the Volga Region, King Artheouazes and Ampsalakos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. GmbH, Bonn, 1994. Vol. 102. P. 310-312.
29. Zgusta L. Die Personennamen griechische Städte der nördlichen Schwarzmeerküste.

Praha, 1955. S. 198, 199.

30. *Трейстер М.Ю.* Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // Боспорский феномен, проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005. С. 322-328.

31. *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В. И.* Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 320.

32. *Никоноров В.П.* О вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античного мира (на примере жестких седел) // Иран и античный мир, политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций, тезисы докладов международной научной конференции (Казань, 14-16 сентября 2011 г.). Казань, 2011. С. 125.

33. *Берлизов Н.Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар, 2011. Ч. I.

34. *Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.

35. *Сергацков И.В.* Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории, Материалы научной конференции. Волгоград, 1994. С. 22.

36. *Сергацков И.В.* Динамика взаимоотношений сарматов Волго-Донских степей с античным миром во II до н.э. – III в. н.э. // VIII Международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье». ТД. Ростов-на-Дону, 1996. С. 113.

37. *Сергацков И.В.* Финал раннесарматской культуры, хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура, формирование, развитие, хронология, Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. I.

38. *Скрипкин А.С.* Об одном полемическом эпизоде в книге М. Б. Щукина «На рубеже эр» (Санкт-Петербург, 1994) // ПАВ. 1997. № 9. С. 118.

39. *Скрипкин А.С.* К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II-I вв. до н.э. // Раннесарматская культура, формирование, развитие, хронология, Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. I. С. 138.

40. *Скрипкин А.С., Клепиков В.М.* Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии, проблемы региональной хронологии. Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

41. *Мордвинцева В.И.* Сарматские парадные упряжные наборы и некоторые вопросы истории сарматов // НАВ. 1998. Вып. 1. С. 35.

42. *Железчиков Б.Ф.* Анализ сарматских погребальных памятников IV-III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.). М., 1997.

43. *Скрипкин А.С.* Анализ сарматских погребальных памятников III-I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II, Раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.). М., 1997.

44. *Сергацков И.В.* История исследования среднесарматских древностей // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III, Среднесарматская культура. М., 2002.

45. *Сергацков И.В.* Анализ сарматских погребальных памятников I-II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III, Среднесарматская культура. М., 2002.

46. *Скрипкин А.С.* Погребальный обряд и материальная культура сарматов европей-

- ских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. Волгоград, 1999.
47. *Трейстер М.Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н.э. // Древности Боспора. М., 2010. № 14.
48. *Treister M. Yu.* On a Vessel with Figured Friezes a Private Collection, on Burials Kosika and Once More on the «Ampsalakos School» // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 2005. Vol. 11. № 3-4.
49. *Mordvinceva V., Treister M.* Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr.) // Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe. Simferopol and Bonn, 2007. Bd. II.
50. *фон Галль Х.* Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2. С. 174-198.
51. *Бернард П., Абдуллаев К.* Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА. 1997. № 1. С. 69-70.
52. *Яценко С.А.* О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв. н.э. // НАВ. 2000. Вып. 3.
53. *Маслов В.Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову, архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 226-227.
54. *Мамонтов В.И.* Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у поселка Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии, Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. Саратов; Энгельс, 2000. С. 169.
55. *Симоненко А.В.* «Сарматская посадка» – историческая реальность или исторический миф? // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар-Анапа, 2001. С. 160.
56. *Симоненко А.В.* Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А. М. Избранные труды, Очерки военного дела сарматов. М., 2008. С. 277-279.
57. *Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 132, 196.
58. *Сергацков И.В.* Римские импорты в Поволжье, исторический контекст археологических фактов // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. ТД. М., 2003. Ч. II.
59. *Сергацков И.В.* К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии, проблемы региональной хронологии. Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 110.
60. *Сергацков И.В.* Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы истории сарматов I в. н.э. // III Международная научная конференция «Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне», посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (21-24 ноября 2006 г., Москва). М., 2006. С. 42-45.
61. *Редина Е.Ф., Симоненко А.В.* «Клад» конца II-I вв. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогий древностей Восточной Европы // Материалы по истории и археологии Кубани. Краснодар, 2002. Вып. 2. С. 84.
62. *Брусницына А.Г.* Ручка сосуда в виде фигуры медведя из Нижнего Подонья // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 8-го археологического семинара). Краснодар, 2002. С. 122.
63. *Ilyasov J.* Covered Tail and «Flying» Tassels // Iranica Antiqua. Leiden, 2003. Vol. XXX-VIII. P. 293-294.
64. *Яценко С.А.* Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II. Владикавказ-Цхинвал, 1992.

65. Яценко С.А. Центральноеазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1992. Ч. II. С. 79-80.
66. Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб., 2002. Т. I [XXVI]. С. 190.
67. Скрипкин А.С. Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. Волгоград, 1999. С. 130.
68. Раев Б.А. «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 264.
69. Воронятов С.В. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009. С. 93.
70. Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4.
71. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Liber Archaeologicae, сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006. С. 53.
72. Ждановский А.М. Новое погребение кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
73. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. 2003. Вып. 3. С. 111.
74. Симоненко А.В. Стекло миллефиори в сарматских погребениях // Liber Archaeologicae, сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006. С. 145-146.
75. Раев Б.А. Итальянские и восточно-эллинистические предметы в сарматских курганах Нижнего Подонья // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб.-Азов, 2008. С. 55.
76. Клепиков В.М., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения курганного могильника у села Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2.
77. Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. Вып. 2.
78. Перевалов С.М. Царь Артеваз косикской надписи // XXV Крупновские чтения. ТД. Владикавказ, 2008. С. 286-287.
79. Перевалов С.М. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНИЦ. 2011. Т. 11. № 1. С. 4.
80. Раев Б.А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры, проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006. Вып. I. С. 92-93.
81. Раев Б.А. Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская Международная конференция, Материалы. Сухум, 2006. С. 304-307.
82. Раев Б.А. Ранние аланы и горные системы Евразии, выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21-23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 128.
83. Сергацков И.В. Бронзовый котел из Киляковки (работа над ошибками) // НАВ. 2006. № 8. С. 247.
84. Раев Б.А. К абсолютной хронологии римского импорта в Азиатской Сарматии // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологиче-

- ского съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. С. 88-89.
85. *Перевалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана, Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М., 2010.
86. *Lebedynsky Ia.* Les Sarmates. Amazones et lanciers cuirasses entre Oural et Danube (VIIe siecle av. J.-C.–VIe siecle ap. J.-C.). Paris, 2002. P. 163.
87. *Перевалов С.М.* Аланская эпиграфика. 1. Каталог латинских надписей // Вестник ВНИЦ, 2011. Т. 11. № 3. С. 15-16.
88. *Кудрявцев О.В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
89. *Федорова Е.В.* Латинские надписи. М., 1976.
90. *Сидоренко В.А.* Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. V.
91. *Дьяков В.Н.* Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 91-93.
92. *Зубарь В.М.* О характере похода легата Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику. URL: <http://ancientrome.ru/publik/zubar/zubar03.htm>
93. *Teggard F.J.* Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events. Berkeley, 1939.
94. *Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э. // ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 83.
95. *Яценко С.А.* Об этносе-противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н.э. // IX Международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». ТД. Ростов-на-Дону, 1998. С. 115-117.
96. *Карышковський П.И.* З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причерномор'ї (Про монети царі Фарзоя та Інєнсімея, карбовані в Ольвії) // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962. Т. XI.
97. *Карышковский П.И.* Новая монета царя Фарзоя // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Днепропетровск, 1980.
98. *Зубар В.М.* Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. № 63.
99. *Трейстер М.Ю.* Еще раз об ожерельях с подвесками в виде бабочек I в. н.э. // ПАВ. 1993.
100. *Vinogradov Yu.G.* Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden. 1994. Vol. 1. № 1.
101. *Симоненко А.В.* Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3.
102. *Симоненко А.В.* Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4.
103. *Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
104. *Дзиговский А.Н.* Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель. Одесса, 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- РА – Российская археология. М.
- СА – Советская археология. М.